

УДК 343.85

**ВЗАИМОСВЯЗЬ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ
И ПРАВОВОЙ КУЛЬТУР В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭПОХИ 6-ГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА****С. Я. Лебедев**

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина,
заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации

***Аннотация.** Обосновываются место и роль информационно-коммуникационной и правовой культур в правоохранительной деятельности эпохи 6-го технологического уклада, анализируются противоречия между информационно-телекоммуникационными и правоохранительными ресурсами обеспечения общественной безопасности от инновационных преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, определяются перспективы информационно-технологического и правового взаимодействия негосударственных структур кибербезопасности и правоохранительных органов в обеспечении безопасности от инновационной преступности.*

***Ключевые слова:** правовая культура, информационно-коммуникационная культура, инновационные технологии, общественная безопасность, кибербезопасность.*

***Annotation.** The place and role of information and communication and legal cultures in law enforcement activities of the era of the 6th technological order are substantiated, contradictions between information and telecommunication and law enforcement resources for ensuring public safety from innovative crimes in the field of information and telecommunication technologies are analyzed, prospects for information technology and legal interaction of non-governmental cybersecurity structures and law enforcement agencies in ensuring security from innovative crime.*

***Keywords:** legal culture, information and communication culture, innovative technologies, public safety, cybersecurity.*

Определение места, роли, направлений и перспектив развития правовой культуры в современном обществе, оценки ее востребованности и восприятия различными слоями общества и пространствами его жизнедеятельности, как, собственно, и в целом духовной культуры, частью какой она (правовая культура) и является, представляется в определенном смысле стержневой проблемой сохранения человеческой цивилизации и, соответственно, ее воспроизводства в ряду предстоящих эпох. Более того, именно правовая культура как генетически присущая человеку разумному форма построения относительно

благополучной жизни себе подобных и социально позитивных взаимоотношений между ними на основе соблюдения принимаемых всеми людьми выработанных предшествующими и нынешними поколениями правил человеческого общежития, образующих собой квинтэссенцию права, выступает одновременно приоритетной гарантией общественной безопасности, ее главным гуманитарным обеспечительным ресурсом. Именно в этом и состоит ценность права (читай — правовой культуры) для любой цивилизации.

Разумеется, каждая новая эпоха цивилизационных отношений и обеспечивающих их культур (безусловно, включая правовую) характеризуется созданием прежде всего относительно новых социальных ценностей, отличающихся в определенной степени своим социокультурным предназначением от ценностей предшествующих цивилизаций. Однако до сих пор, что следует подчеркнуть особо, подобные изменения, несмотря на всю свою порой глобальную трансформацию, как правило, не меняли фундаментального естества предназначенных для общества, веками традиционно обеспечивающих его нормальную жизнедеятельность, ресурсов. К таковым, несомненно, относится право и цементирующая его культура как основа укрепления и обеспечения в новых эпохах преемственности соответствующих социально-правовых ценностей и социально-правового опыта, независимо от нацеленных на их изменения эпохальных технологических новаций.

Очевидно, что в отличие от многих прошлых цивилизаций, на протяжении тысячелетий формировавших и развивавших человеческие ценности в традиционной *реально* контактной системе социальных взаимодействий, нынешний, 6-й технологический жизненный уклад все более активно уводит человечество в область *виртуальных* социальных контактов. Они образуют собой новую реальность так называемой метавселенной, состоящую из множества метапространств, каждое из которых наполнено своими многоаспектными виртуальными (цифровыми) социальными взаимодействиями. Такие инновационные коммуникации определяют и специфику инновационных социокультурных ценностей, в своей совокупности как раз создающих и культивирующих систему социальных метавзаимодействий, развивающихся за пределами реальных, традиционных для прошлых эпох систем человеческого общения. В этом смысле современную цивилизацию вполне можно называть метацивилизацией.

Проживая в этой метацивилизационной реальности глобальных социальных трансформаций, вызванных инновационно-технологическими прорывами, затрагивающими и меняющими привычные формы всех без исключения сфер человеческой деятельности: бытовой, профессиональной, социально-экономической, политической и др., большинство людей даже не замечают порой контроля над собой инновационных технологий современного

6-го технологического уклада. При этом право как бы находится в стороне от активного вмешательства в инновационные, тем более технологические процессы, поскольку его прерогатива распространяется более на область человеческих (общественных) отношений, а не на технологическое их сопровождение.

Однако в том и состоит суть современного периода общественного развития, что именно технологии, как никогда ранее, активно вмешались в традиционные форматы человеческих отношений, практически подчинив последние своей «воле». Потому именно перед правом как главным гарантом сохранения человеческой цивилизации от технологических угроз, большей своей частью представляющих противоправные деяния, сегодня стоит эпохальная задача активного вмешательства в технологические процессы, дабы они продолжали далее развиваться исключительно в правовом поле.

По известному единодушному утверждению экономистов, переживаемая сегодня человечеством эпоха 6-го технологического уклада представляет собой принципиально новую технико-технологическую систему обеспечения цивилизационных отношений, основанную на стремительном развитии пяти так называемых НБИКС (нано-, био-, инфо-, когни-, социо-) мегатехнологий. Они подчиняют себе практически все без исключения сферы жизнедеятельности людей и образуют своими виртуально-цифровыми ресурсами (в противовес до сих пор существовавшим реальным) новые форматы метавзаимодействий между людьми. По сути, такие мегатехнологии образуют и культивируют ныне то самое пространство метавселенной, в которое перемещаются все доселе реальные социальные взаимодействия, как позитивные, так и, безусловно, негативные и преступные. При этом, погружаясь в пучину цифровых соблазнов, человечество весьма запаздывает с осознанием (тем более научным) их стремительно нарастающего, угрожающего, порой разрушительного для традиционных коммуникативных связей и обеспечивающих их до сих пор культур, цифрового потенциала, а потому пока крайне мало делает для надежного обеспечения так называемой кибербезопасности.

Не секрет, что правоохранительной (условно) активностью в обеспечении таковой сегодня отличаются, главным образом, негосударственные структуры информационно-телекоммуникационной (ИТ) безопасности, поскольку, развиваясь на коммерческой основе, они обладают гораздо большими, по сравнению с бюджетным финансированием государственных правоохранительных органов, экономическими, материально-техническими, технологическими и, соответственно, реализующими их кадровыми ресурсами. В результате объективно выходящая из-под реального правоохранительного контроля (а виртуального, как известно, пока не существует) цифровая (ИТ) преступность попадает под технологический контроль существующих структур кибербезопасности

(например, Лаборатория Касперского, Group-IB, Инфосекьюрити и др.). При этом и сами IT-специалисты и юридически оценивающие их кибербезопасную деятельность правоведа, безусловно, убеждены в явной противоправности какой-либо нейтрализующей акции в отношении тех или иных противоправных кибератак. Последние — суть преступление. Пресечение же преступлений и, более того, их расследование (кстати, именно такую свою деятельность до недавнего времени открыто рекламировала компания Group-IB) — прерогатива правоохранительных органов. И какой бы социально полезной по своему позиционируемому эффекту ни была деятельность негосударственных служб безопасности по пресечению и расследованию киберпреступлений, от этого она менее противоправной не становится. Вспоминаются в этом случае аналогии с «правоохранительной» деятельностью так называемых санитаров общества, устраняющих из его жизни педофилов, незаконных мигрантов, коррупционеров и т. п.

Таким образом, инновационная преступность, проявляющая себя в киберпространстве, большей своей частью не попадает в зону влияния правоохранительной практики как раз из-за отсутствия таковой в этом виртуальном пространстве. То есть реальная правоохранительная деятельность в условиях 6-го технологического уклада по большей части развивается (точнее, стагнируется) на основе традиционного (правильнее сказать, обычного) правоохранительного потенциала, сопровождаемого аналогичным по своей форме правовым обеспечением (включая каноны существующей правовой культуры), и потому по-прежнему сфокусирована на обеспечении безопасности личности, общества, государства от традиционной (обычной, реальной) преступности. Такая правоохранительная традиционность и составляет сегодня главный, однако далеко не адекватный масштабам и характеру инновационных криминальных угроз эпохи 6-го технологического уклада и уж тем более не оптимальный по целевым запросам общественной безопасности ресурс. Точнее, ее «ручные» технологии явно не отвечают инновационным технологическим вызовам.

IT-специалистам, да, видимо, и любому более-менее продвинутому пользователю, хорошо известно, что вполне удобное и относительно безопасное существование человека в рассматриваемом гибридном мире обеспечивается: более высокой, по сравнению с реальными возможностями, результативностью (эффективностью) достижения цели какой-либо деятельности; низкой (часто бесплатной) стоимостью привлекаемых для этого информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ); доступностью цифровой инфраструктуры и, главное, анонимностью источника (субъекта) инициации действия (деяния), а следовательно, относительной защищенностью от любого внешнего воздействия, исходящего от реального правоохранительного источника.

Потому грешный человек, сосредоточенный на совершении преступлений, находит для себя в современном гибридном мире гораздо больше возможностей для криминальной самореализации, нежели в реальном, пока еще традиционно подконтрольном существующему уголовному закону и правоохранительной практике его применения.

То есть в итоге информационно-телекоммуникационная культура становится для обычного человека ценнее в достижении своего жизненного благополучия, нежели правовая культура. И какой бы высокой по своей значимости степенью традиционной правовой культуры ни обладали сотрудники правоохранительных органов, при их сегодняшней приверженности традиционным ее (правовой культуры) форматам, достичь главной своей цели — обеспечения надежной общественной безопасности — представляется весьма проблематичным, а по существу — невозможным.

Проявляющее себя в проблемных условиях правоохранительного обеспечения общественной безопасности эпохи 6-го технологического уклада противоречие между информационно-телекоммуникационной и правовой культурами обостряется уже становящейся привычной ситуацией, когда активно развивающимися цифровыми форматами новых социальных взаимодействий, приоритет в реализации которых принадлежит информационно-телекоммуникационным технологиям и продуцирующим их субъектам, вытесняются успешно культивируемые доселе в правоохранительных практиках правовые стандарты. Фактически информационно-телекоммуникационная культура объективно замещает собой правовую культуру, развивавшуюся на протяжении всех предшествующих технологических эпох и пока не отказывающуюся от своей традиционной функции «закрепителя» всех основополагающих стандартов юриспруденции как научного фундамента правоохранительной деятельности.

Ко всему прочему, начинает себя проявлять основанная на отмеченном «замещении» еще одна, сопутствующая такому противоречию, а точнее, усугубляющая его проблема, а именно неприятие совокупным информационно-телекоммуникационным ресурсом авторитета правовой культуры над технологической. Хотя, безусловно, в реализации любой технологии всегда были, есть и будут присутствовать свои нормативно заданные правовые стандарты. Но попытка установить правоохранительный контроль над технологическими процессами в целях предупреждения и нейтрализации совершаемых в информационно-телекоммуникационном пространстве правонарушений и преступлений и тем самым обеспечить в этой сфере необходимую общественную безопасность, пока поддержки в информационном сообществе не находит.

Кстати, справедливости ради надо отметить, что информационное сообщество вовсе не отказывается от соблюдения нормативных правовых и обеспечиваемых правовой культурой регламентов своей правомерной инновационно-технологической деятельности. В конце концов таковая регламентирована и соответствующими федеральными законами, и указами Президента Российской Федерации, и постановлениями Правительства Российской Федерации, и ведомственными, и иными нормативными правовыми актами. Наконец, весьма показательным фактом, безусловно, говорящим в пользу соблюдения информационно-телекоммуникационным сообществом требований правовой культуры, стало принятие в 2021 году Альянсом в сфере искусственного интеллекта (общественная организация) Кодекса этики в сфере искусственного интеллекта, утверждающего весьма впечатляющие правовые гарантии безопасного производства, функционирования и использования таких продуктов.

Таким образом, проявляющие себя в эпоху 6-го технологического уклада противоречия между информационно-коммуникационной и правовой культурами, в том числе в обеспечении правоохранительными органами требуемого государством и обществом надежного уровня общественной безопасности от инновационной преступности, не исключают перспективы налаживания в этой сфере взаимоприемлемых контактов и взаимодействий, способных создать надежный правовой и одновременно технологический заслон современным криминальным угрозам. Думается, что одним из довольно продуктивных ресурсов такого сотрудничества может быть развивающееся в последнее время успешное информационно-технологическое и правовое взаимодействие негосударственных структур кибербезопасности и правоохранительных органов на основе договоров о государственно-частном партнерстве.